

УДК 343.7

Роль оценочных признаков при квалификации преступлений в сфере экономической деятельности

Биккулов А.Э.

Аспирант Сургутского государственного университета

Целью статьи является: анализ основных оценочных признаков, которые характеризуют преступления в сфере экономической деятельности, разработка рекомендаций по решению проблем, связанных с использованием оценочных признаков в этой сфере. Автор рассматривает оценочный признак как категорию уголовного права, анализирует мнения советских и современных российских исследователей. Основное внимание сосредоточено на анализе конкретных оценочных признаков, которые характеризуют преступления в сфере экономической деятельности. Выделяются количественные, качественные и кумулятивные признаки и даётся их краткая характеристика. Рассматривается вопрос об устранении оценочных понятий из норм Уголовного кодекса РФ. По итогам исследования автор приходит к выводу о том, что оценочные признаки являются такими характеристиками, которые не конкретизируются в законе и определяются по внутреннему убеждению правоприменителя, а многие признаки, которые характеризуют преступления в сфере экономической деятельности, законодателем не конкретизированы, а разъяснения Верховного Суда Российской Федерации являются фрагментарными и несистемными. Автор считает, что нет необходимости отказываться от оценочных понятий и предлагает их систематизировать как в рамках главы 22, так и в рамках всего Уголовного кодекса Российской Федерации. Также подчёркивается необходимость выработки единого подхода и системы критериев для определения оценочных признаков преступлений в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: оценочная категория, оценочное понятие, оценочный признак, преступление в сфере экономической деятельности, уголовная ответственность, уголовное право

Оценочные признаки, характеризующие преступления как в целом, так и в контексте экономической деятельности, вызвали интерес неслучайно. Такого рода признаки, с одной стороны, определенно упрощают реализацию задач правового регулирования, поскольку освобождают законодателя от необходимости конкретизировать те или иные аспекты при формулировании определённых правовых норм. Это одновременно означает и отсутствие у законодателя необходимости прорабатывать массу дополнительных нюансов при разработке, обсуждении и принятии законопроектов, что позволяет ускорить правотворческий процесс. Для правоприменителя оценочные признаки создают некоторый простор

для принятия решения по своему усмотрению, поскольку оценка той или иной ситуации в определённой мере зависит именно от конкретного должностного лица, и оно вправе действовать по своему внутреннему убеждению, хотя и в определённых рамках. Кроме того, наличие оценочных признаков в нормах уголовного и уголовно-процессуального законодательства для стороны защиты создает дополнительные возможности представить и обосновать наличие каких-либо исключительных обстоятельств, заслуживающих внимания и обеспечивающих более индивидуализированный подход. В конечном итоге оценочные признаки являются и средством преодоления проблемы чрезмерного фор-

мализма, свойственного практике решения тех или иных вопросов органами власти.

В то же время оценочные признаки вносят некоторую неопределённость в правоприменительную практику, поскольку при их наличии допускается разрешение аналогичных по своему характеру ситуаций по-разному, в том числе и не вполне справедливо, что ставит под сомнение декларируемые российским законодательством принципы равенства и справедливости. И в связи с этим порождаются определённые проблемы. Поэтому оценочные признаки требуют пристального внимания, нуждаются в осмыслении, а нормы, содержащие их, возможно, в пересмотре.

Что же касается преступлений в сфере экономической деятельности, то при формулировании ряда составов отечественный законодатель активно использует оценочные признаки. В этом контексте, учитывая проблемность квалификации преступлений в сфере экономической деятельности, оценочные признаки можно рассматривать в числе предпосылок, осложняющих формирование единообразной правоприменительной практики.

Соответственно, целью данной статьи являются анализ основных оценочных признаков преступлений в сфере экономической деятельности и разработка рекомендаций по решению проблем, связанных с применением оценочных признаков (понятий).

В настоящее время ни в одном источнике действующего законодательства не представлена трактовка рассматриваемой категории, несмотря на довольно давнюю историю ее упоминания. В этой связи нужно сказать о С.И. Вильнянском, который ещё в 1956 г. упомянул в своей работе оценочное понятие, охарактеризовав его наличием широкой формулировки, благодаря которой суд получает, в частности, «возможность свободной оценки фактов» [1, с. 13]. С того времени к проблематике оценочных понятий стали обращаться многие отечественные ученые, предлагавшие свои варианты определений.

Интересен также подход советского правоведа А.В. Наумова, рассматривавшего феномен оценочных понятий как признаков состава преступления, оценка которых дается, исходя из правосознания субъекта правоприменения [2, с. 97]. В контексте такого подхода нормативные положения при решении конкретного вопроса отходят на второй план по своей значимости, а ключевым фактором становится именно правосознание правоприменителя.

Примечательно, что в рамках представленного подхода термин «оценочный признак» отождествлен с термином «оценочное понятие», что в целом представляется вполне обоснованным и нами поддерживается. В то же время указанным автором делается акцент на роли правосознания в применении оценочных признаков и определённо нивелирует-

ся роль писаного права. И в этой связи необходимо уточнить, что правоприменитель, оперируя тем или иным оценочным признаком, стремится (или по крайней мере должен стремиться) следовать конкретным юридическим нормам. А правосознание в этом плане выступает не как основа, а именно как некоторый вспомогательный ориентир, способствующий применению правовых норм, но никак не заменяющий эти нормы.

В.Е. Жеребкин, раскрывая природу оценочных понятий, отмечал их неопределяемость в законе, теории или судебной практике, также присущие им объем и содержание. Причем содержание таких понятий, по его мнению, не представляется возможным четко зафиксировать [3].

В контексте изложенного представляется возможным возразить указанному автору. Во-первых, к оценочным понятиям возможно относить те из них, которые нормативно не определены даже при наличии определения в актах судебной практики и (или) в научных источниках, поскольку именно законодательная неопределённость того или иного понятия или признака даёт возможность решать тот или иной вопрос на усмотрение конкретного правоприменителя. То есть, если то или иное понятие зафиксировано, например, в теории, то в этом случае нет оснований не относить его к оценочным, поскольку правоприменитель оперирует прежде всего именно формально закреплёнными нормами, а не теми идеями, которые получили закрепление в научных трудах. Также нельзя не относить к оценочным понятиям те, которые получили некоторую фиксацию в судебной практике, в том числе и на уровне высших судебных инстанций (Конституционный Суд РФ или Верховный Суд РФ), но нормативно не закреплены. В этом случае, учитывая изменчивость судебной практики, вряд ли можно говорить о том, что получившее судебное толкование понятие утратило свою оценочность.

Толкование тех или иных понятий в источниках судебной практики не представляется возможным рассматривать в качестве решения проблемы оценочных понятий и в связи с тем, что в рамках отечественной правовой системы судебные прецеденты и соответствующие акты, содержащие их, не рассматриваются в качестве источников права, во всяком случае де-юре. Поэтому решение проблемы оценочных понятий лежит в поле деятельности органов законодательной власти, а не судебной.

Спорным представляется и мнение о том, что оценочное понятие в принципе не представляется возможным зафиксировать нормативно. В этой связи можно полагать, что оценочность обуславливается не принципиальной невозможностью фиксации конкретного понятия или признака с соответствующими конкретизирующими его критериями оценки, а самим фактом отсутствия такой конкретизации.

Поэтому думается, что определённые оценочные признаки, которые содержатся в тех или иных законах, в том числе в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации [4] (далее – УК РФ), могут быть уточнены по крайней мере на основе конкретных критериев, в том числе и количественных. Безусловно, нормативное решение задачи уточнения оценочных признаков может быть крайне сложным и трудоемким, но гипотетически возможность такого решения не может быть исключена.

Д.Р. Касимов в своем диссертационном исследовании применительно к уголовному праву трактует оценочные понятия как юридически зафиксированные термины, для применения которых отсутствуют точные условия [5, с. 11]. Изложенное означает возможность применения соответствующих оценочных понятий к неограниченно широкому кругу ситуаций. И в этом плане для правоприменителя созданы достаточно удобные условия, позволяющие ему в том числе оценивать то или иное деяние в целом либо обстоятельства его совершения, причем как ограничительно, так и расширительно, по собственному усмотрению.

Надо сказать, что наличие оценочных признаков, не конкретизированных законодательно, представляется вполне естественным для современного права. Такой же позиции в целом придерживается, например, Т.А.О. Эндикот [6]. В этой связи думается, что обилие оценочных признаков, причем не только в нормах уголовного права, обуславливается стремлением законодателя, с одной стороны, адаптировать право к самым разным ситуациям, которые объективно возможны в существующих реалиях, и, с другой – избежать чрезмерного расширения объёмов нормативного материала и казуальности правового регулирования. То есть законодатель обоснованно стремится минимизировать тот нормативный материал, который правоприменителю придётся рассматривать в ходе разрешения той или иной ситуации. И в этом плане полное устранение всех оценочных понятий представляется, хотя и возможным, но нецелесообразным, поскольку в таком случае объём нормативного материала будет кратно увеличиваться, что приведёт к упрощению одних аспектов применения и к осложнению других аспектов.

Безусловно, нельзя сбрасывать со счетов то, что правоприменитель всегда будет склонен в ходе квалификации правовой оценки того или иного деяния руководствоваться своими интересами. То есть если правоприменителем является субъект, представляющий сторону обвинения, то он, вероятнее всего, будет расширительно толковать соответствующие нормы. И в этом состоят ключевые риски, дающие основания аргументировать необходимость ограничения возможности для принятия решений по усмотрению правоприменителя. С другой стороны, излишне жесткие рамки лишают правоприменителя

многих возможностей при квалификации соответствующего деяния, особенно с учетом того, что все гипотетически возможные ситуации практически невозможно представить. Соответственно, оставление законодателем возможностей для принятия решений по усмотрению правоприменителя (конечно, в определенных рамках) можно расценивать как необходимость. В этом плане принципиально важно поддерживать баланс.

С учётом изложенного к оценочным признакам целесообразно относить такие характеристики того или иного факта, явления, деяния, которые ввиду отсутствия нормативно закреплённых критериев оценки юридически оцениваются по личному усмотрению правоприменителя, на основе его правосознания, внутреннего убеждения и с учетом особенностей конкретной ситуации.

Оценочные признаки, характеризующие преступления в сфере экономической деятельности, отличаются многочисленностью, что обусловило необходимость их классификации. В этой связи, учитывая составы преступлений, предусмотренные нормами гл. 22 УК РФ, представляется возможным выделить прежде всего две группы оценочных признаков (понятий):

1. Количественные признаки.
2. Качественные признаки.

В контексте изложенного к числу количественных признаков можно отнести характеристики, отражающие размер, масштаб преступления, также последствия, которые оно повлекло. К качественным причисляются те признаки, которые не подлежат денежному либо иному численному измерению, во всяком случае, с точки зрения законодателя. Что касается кумулятивных признаков, то они компануют в себе и количественные, и качественные аспекты оценки.

Количественные оценочные признаки используются, например, в ст.ст. 191 и 192 УК РФ, где упоминаются крупный и особо крупный размер, в том числе ущерба, дохода, задолженности, определяемый, согласно примечанию к ст. 170.2 УК РФ, в денежной сумме: более 2 млн 250 тыс. руб. – для крупного размера, ущерба, дохода; более 9 млн руб. – для особо крупного.

Что касается качественных оценочных признаков, то они упоминаются, например, в ст. 177 УК РФ в контексте злостного характера соответствующего деяния. Примечательно, что в данном случае не конкретизируется, в чем именно проявляется злостный характер деяния. В этом плане качественные оценочные признаки представляются более спорными, особенно в контексте исследуемой категории преступлений, где за основу оценки общественной опасности берется чаще всего денежный критерий, являющийся более объективным.

Некоторыми авторами также выделяются кумулятивные оценочные признаки [7, с. 92], что тоже

представляется обоснованным. Пример кумулятивного оценочного признака усматривается в ч. 4 ст. 183 УК РФ, которая предполагает решение вопроса квалификации соответствующего деяния с учетом таких оценочных признаков, как крупный ущерб, сопряженный с тяжкими последствиями. В этом случае денежная оценка вреда, причиненного в результате совершения преступного деяния, дополняется неденежной оценкой.

В контексте сказанного важно подчеркнуть особую значимость оценочных понятий в ходе дачи правовой оценки совершенному в сфере экономической деятельности преступлению, ведь в этом случае, как справедливо замечают М.А. Уваров и Ю.Н. Носатов, общественная опасность определяется, исходя из количественных характеристик, отражающих последствия содеянного [8, с. 121]. Иными словами, применительно к рассматриваемой категории преступлений, как правило, опасно не столько само деяние как таковое, сколько тот размер, объём вреда, измеренный количественно.

Следует отметить, что оценочные признаки, отражающие размер вреда, используются и как конструктивные элементы состава, и в качестве квалифицирующих признаков, предполагающих назначение более строгого наказания в рамках дифференциации ответственности [9, с. 79]. И если в первом случае оценка такого рода признаков связана с решением вопроса о наличии или отсутствии в деянии состава преступления, то во втором случае вопрос лишь в определении мер наказания, а квалификационного значения указанные признаки не имеют.

Надо сказать, что законодатель в целом верно поступил, избрав в качестве основы для правовой оценки рассматриваемых преступлений признаки, оцениваемые в количественных, прежде всего денежных показателях. Как справедливо замечает Н.А. Лопашенко, такого рода количественные признаки делают закон более понятным и менее зависимым от усмотрения правоприменителя [10, с. 221]. Вряд ли можно поспорить с данным утверждением.

Вместе с тем применительно к отдельным случаям квалификации преступлений, связанной с определением количественных характеристик деяний, возникают некоторые вопросы, требующие особо пристального внимания законодателя. Так, если обратиться к ч. 2 ст. 186 УК РФ, то становится не все однозначно, поскольку поддельные денежные средства, о который ведется речь в указанной норме, по своей стоимостной оценке никак не могут коррелировать со стоимостью денежных единиц, произведенных Центральным Банком России. В этой связи И.В. Осипов предлагает за основу брать номинал поддельных денег [8, с. 80], что представляется вполне оправданным.

То есть, например, в случае, когда 1 млн фальшивых руб. сбывается за 500 тыс. руб., то в качестве

ориентира целесообразно рассматривать именно номинал сбываемой поддельной валюты. Думается, в этом есть определённая логика, поскольку в экономику таким образом вводится 1 млн поддельных денежных средств, в результате чего причиняется сопоставимый с миллионом рублей ущерб. А полученные в сумме 500 тыс. руб. денежные средства в таком случае будут отражать лишь преступно полученный доход, а не реальный вред, нанесенный экономическим отношениям.

Достаточно сложным и неоднозначным является вопрос использования в ряде норм признака систематичности получения прибыли, который отражает, например, незаконное предпринимательство. Как полагает И.А. Клепицкий, торговая деятельность и деятельность по выполнению работ является общественно полезной [11, с. 137]. То есть если рассматривать отдельные составы преступления в таком контексте, то целесообразно разграничить случаи, когда само по себе деяние наносит тот или иной ущерб, и случаи, когда деяние как таковое ущерба не наносит, но некоторые его последствия обладают вредоносным свойством в силу иных причин, например, в силу отсутствия государственной регистрации либо в силу неуплаты предусмотренных законодательством налогов. Однако данный вопрос требует более тщательной проработки.

Говоря о проблематике оценочных понятий, следует отметить особое отношение к ней Верховного Суда РФ, который счел недопустимым при признании гражданина виновным ограничиваться лишь ссылкой на оценочные категории, в частности, на тяжкий характер последствий, существенность вреда, корыстную или иную заинтересованность [12]. Думается, что такой подход суда в целом представляется верным, поскольку нацелен на минимизацию излишне формального и неиндивидуализированного подхода к рассмотрению дел. Вместе с тем детальных и систематизированных разъяснений в части оценки каждого оценочного признака Пленум Верховного Суда РФ не дал. Такие разъяснения во многом носят фрагментарный характер, что оставляет указанную проблему по-прежнему нерешенной.

Нельзя не сказать о том, что в литературе высказываются предложения о необходимости минимизации круга оценочных признаков, характеризующих те или иные преступления [13, с. 104]. И в целом такой взгляд на развитие уголовного законодательства имеет под собой определённые основания, в том числе применительно к проблематике рассматриваемых в данной статье преступлений. Но, несмотря на сложность и неоднозначность оценочных понятий, не представляется целесообразным стремиться к их искоренению как в целом, так и применительно к уголовному праву, на что обращают внимание и другие авторы [14, с. 737]. Думается, здесь принципиально важно не устранять такого рода поня-

тия или подбирать им замену, а конкретизировать те подходы и критерии, на основе которых должны разрешаться те или иные ситуации, предполагающие применение оценочных понятий.

Примечателен опыт Германии и Франции, где действует ответственность за совершение налоговых преступлений вне зависимости от размеров неуплаченных сумм. Более того, в Германии не имеет значения и умысел лица, уклоняющегося от уплаты налогов: к ответственности привлекаются как лица, имевшие прямой умысел на это деяние, так и лица, действовавшие с косвенным умыслом [15]. В этой связи вряд ли следует развивать отечественное уголовное законодательство по примеру указанных стран, исключая из него отдельные оценочные понятия, поскольку это может привести к ещё более широкому применению репрессивных мер, что не способствует дифференциации уголовной ответственности, которая, в свою очередь, заложена в основу УК РФ как базовый принцип. Более того, внедрение подобного опыта в отечественную правотворческую практику чревато чрезмерным ростом рисков для представителей предпринимательского сообщества, что тоже нельзя назвать приемлемым.

В то же время нельзя не отметить, что в отдельных случаях отечественный законодатель не учитывает сложившуюся судебную практику, в результате чего отдельные нормы УК РФ «загромождены ненужными признаками, которые не отражают действительность» [16, с. 27].

Стоит сказать, что применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности весьма спорным остаётся вопрос о целесообразности сохранения в числе признаков такого оценочного понятия, как «тяжкие последствия». Единственным случаем применения такого признака (понятия) можно считать ч. 4 ст. 183 УК РФ. В этой связи А.Н. Каменева справедливо задаётся вопросом об уместности сохранения указанных признаков в нормах, включенных в главу 22 УК РФ [17, с. 55]. И такие сомнения вполне оправданны, учитывая специфику исследуемой категории преступлений, а также неконкретность указанных положений, которые дают огромный простор правоприменителю для расширительного толкования правовой нормы.

По итогам выполненного анализа автор приходит к следующим выводам касательно оценочных признаков:

1. Оценочные признаки представляют собой такие характеристики, которые в силу отсутствия конкретизирующих нормативных положений оцениваются по внутреннему убеждению правоприменителя (суда, следователя, дознавателя, прокурора).

2. Наличие оценочных признаков следует рассматривать как вполне естественное явление, причем как для права в целом, так и для уголовного права, в частности, что во многом продиктовано

стремлением законодателя сократить объём нормативного материала, обеспечив при этом адаптивность каждой из норм, где такие признаки применяются, к максимально широкому кругу правовых ситуаций.

3. Отечественный законодатель, употребляя во многих нормах о рассматриваемых преступлениях оценочные признаки (оценочные понятия), не конкретизирует ни их, ни те критерии, на основе которых должны приниматься соответствующие решения правоприменителем, проводящим квалификацию деяния. В итоге следователям и судам создаются чрезвычайно широкие возможности для усмотрения, а это порождает определенные предпосылки для злоупотреблений. Что же касается разъяснений, которые давались Верховным Судом РФ, то они носят несистемный и фрагментарный характер, что тоже не может способствовать разрешению рассматриваемой проблематики.

В целях решения проблем, связанных с использованием оценочных признаков в уголовно-правовых нормах, целесообразно не стремиться к полному искоренению такого рода признаков. Более логичным представляется уточнение критериев их оценки. Представляется целесообразным систематизировать все оценочные признаки (оценочные понятия), употребляемые как в рамках главы 22, так и в рамках всего УК РФ. Далее же каждое из понятий может быть конкретизировано непосредственно Верховным Судом РФ.

Автор считает принципиально важным выработать некий общий подход и основанную на нем систему критериев для оценки каждого из оценочных понятий, что позволило бы минимизировать риски злоупотреблений и чрезмерно широкого толкования норм и одновременно сохранить адаптивность УК РФ к каждой рассматриваемой ситуации.

Литература:

1. Вильнянский С.И. Применение норм советского социалистического права // Ученые записки Харьковского юридического института им. Л.М. Кагановича. – 1956. – Вып. 7. – С. 3–18.
2. Наумов А.В. Применение уголовно-правовых норм (по материалам следственной и прокурорско-судебной практики). – Волгоград, 1973. – 176 с.
3. Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. – Киев: Вища школа, 1976. – 150 с.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Касимов Д.Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ижевск, 2022. – 235 с.
6. Endicott T.A.O. Vagueness in Law. – Oxford, 2000. – 213 p.
7. Трунцевский Ю.В. Формальные и оценочные признаки составов преступлений, совершаемых в сфере экономической деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 41. – С. 86–97.
8. Уваров М.А., Носатов Ю.Н. Характер и степень общественной опасности преступлений, посягающих на конкуренцию в сфере экономической деятельности // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 120–124.
9. Осипов И.В. Уголовно-правовая характеристика размера преступной деятельности как признака составов преступлений в сфере экономической деятельности // Алтайский юридический вестник. – 2021. – № 1 (33). – С. 78–84.
10. Лопашенко Н.А. Стоимостное выражение крупного (особо крупного) размера дохода, ущерба, задолженности применительно к преступлениям в сфере экономической деятельности // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 2. – С. 220–228.
11. Клепицкий И.А. Начало бизнеса: риск наказания // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 130–161.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Волкова А.С. Проблема толкования оценочных признаков преступлений в целях обеспечения экономической безопасности РФ // Вопросы развития современной науки и техники. – 2021. – № 1. – С. 99–105.
14. Гармышев Я.В., Егоров И.М., Пархоменко С.В. К вопросу о квалификации некоторых оценочных понятий в уголовном праве России // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 732–739.
15. Müller K. Steuerhinterziehung (§ 370, 371 AO). – Berlin, 2018. – 416 S.
16. Тимофеев С.В. Некоторые особенности квалификации преступлений, связанных с незаконным получением и разглашением сведений, составляющих банковскую, налоговую и коммерческую тайну // Правовой альманах. – 2021. – № 8. – С. 18–27.
17. Каменева А.Н. Общественно опасные последствия в нормах о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы отражения в законе // Lex Russica (Русский закон). – 2020. – Т. 73, № 5(162). – С. 53–63.

The Role of Evaluative Features in the Qualification of Crimes in the Field of Economic Activity

Bikkulov A.E.
Surgut State University

The purpose of the article is: to analyze the main evaluative signs that characterize crimes in the field of economic activity; to develop recommendations for solving problems related to the use of evaluative signs in this area. The author considers the evaluative feature as a category of criminal law, analyzes the opinions of Soviet and modern Russian researchers/ The author focuses on the analysis of specific evaluative features that characterize crimes in the field of economic activity. Quantitative, qualitative and cumulative signs are distinguished, and their brief description is given. The issue of eliminating evaluative concepts from the norms of the Criminal Code is being considered. Based on the results of the study, the author comes to the conclusion that evaluative signs are such characteristics that are not specified in the law and are determined by the inner conviction of the law enforcement officer. It is concluded that many of the signs that characterize crimes in the field of economic activity are not specified by the legislator, and the explanations of the Supreme Court of the Russian Federation are fragmentary and unsystematic. The author believes that there is no need to abandon evaluative concepts and proposes to systematize them both within the framework of Chapter 22 and within the framework of the entire Criminal Code of the Russian Federation. The author also emphasizes the need to develop a unified approach and a system of criteria for determining the evaluative signs of crimes in the field of economic activity.

Key words: evaluation category, evaluation concept, evaluation feature, crime in the field of economic activity, criminal liability, criminal law